

**КНЯЗЬ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЮСУПОВ (1794–1849)
И ИВАН ПЕТРОВИЧ ВИТАЛИ (1794–1855).
ЗАКАЗЧИК И СКУЛЬПТОР. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
(ПО ДОКУМЕНТАМ РГАДА)**

Любовь Ю. Савинская

Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина, Москва, Россия,
liubov.savinskaia@arts-museum.ru

Аннотация. Статья посвящена московскому периоду творчества скульптора Ивана Петровича Витали и его работам, выполненным по заказам князя Бориса Николаевича Юсупова. На основе впервые публикуемых архивных материалов реконструируется история создания в 1831–1833 годах надгробного памятника и посмертных скульптурных портретов его отца, князя Николая Борисовича Юсупова. Дается интерпретация созданного скульптором портретного образа и прослеживается его влияние на работы других художников.

Ключевые слова: русское искусство XIX века, русская скульптура XIX века, Иван Петрович Витали, князь Николай Борисович Юсупов, князь Борис Николаевич Юсупов

Для цитирования: Савинская Л.Ю. Князь Борис Николаевич Юсупов (1794–1849) и Иван Петрович Витали (1794–1855). Заказчик и скульптор. Новые материалы (по документам РГАДА) // Academia. 2020. №2. С. 257–267. DOI: 10.37953/2079-0341-2020-2-1- 257-267.

**PRINCE BORIS NIKOLAEVICH YUSUPOV (1794–1849)
AND SCULPTOR IVAN PETROVICH VITALI (1794–1855).
THE CUSTOMER AND THE SCULPTOR. NEW DOCUMENTS
(RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT ACTS)**

Liubov Yu. Savinskaia

Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia,
liubov.savinskaia@arts-museum.ru

Abstract. The article is devoted to the Moscow period of creative life of the sculptor Ivan Petrovich Vitali and his works commissioned by Prince Boris Nikolaevich Yusupov. The tombstone and posthumous sculpture images of commissioner's father, Prince Nikolay Borisovich Yusupov, were created in 1831–1833 and its history has been reconstructed on the basis of unpublished archival materials. Apart from that the paper interprets the portrait image created by the sculptor, and traces its influence on works of other artists.

Keywords: Russian art of the 19th century, Russian sculpture of the 19th century, Ivan Petrovich Vitali, prince Nikolay Borisovitch Yusupov, prince Boris Nikolaevitch Yusupov

For citation: Savinskaia, L. Yu. (2020), "Prince Boris Nikolaevich Yusupov (1794–1849) and sculptor Ivan Petrovich Vitali (1794–1855). The customer and the sculptor. New documents (Russian State Archive of Ancient Acts)", *Academia*, 2020, no 2, pp. 257–267. DOI: 10.37953/2079-0341-2020-2-1-257-267.

Иван Петрович Витали (1794–1855) — один из выдающихся скульпторов России XIX столетия — получил широкую известность как автор скульптурных портретов К.П. Брюллова (1836) и А.С. Пушкина (1837), создатель скульптурного убранства Исаакиевского собора в Петербурге. Материалы, о которых пойдет речь, связаны с его ранним — московским — периодом творчества (ил. 1).

Отметим несколько фактов из биографии Ивана Петровича Витали и его связей с московскими мраморщиками начала XIX века. Он был сыном итальянского формовщика Пьетро Витали, работавшего при Императорской Академии художеств. Как сообщает современник и биограф мастера, скульптор Николай Александрович Рамазанов, Иван не получил систематического академического образования, с 1806 года как вольноприходящий ученик он посещал классы Академии художеств и одновременно (с 1810) работал в мастерской скульптора Агостино Трискорни. В 1818 году Витали переехал из Петербурга в Москву и на деньги, предоставленные А. Трискорни, открыл отделение его фирмы в Москве. Витали организовал скульптурную мастерскую, где работал совместно с племянником Агостино — Александром Трискорни (1797–1867), получая определенный процент от прибыли. В то время конкуренцию ему составляла пользовавшаяся широкой известностью мастерская мраморщика Сантино Петровича Кампиони (1774–1847), которая неоднократно выполняла заказы князя Николая Борисовича Юсупова (1750–1831). Тем не менее, уезжая в 1841 году в Петербург, Витали продал свой дом и мастерскую С.П. Кампиони [Якирина, Одноралов 1960, с. 5–6; Кривдина 2000, с. 30, с. 35; Кривдина 2006, с. 53]. Следует отметить, что Трискорни и Кампиони были теми мраморщиками, которых хорошо знали и к которым регулярно обращались с заказами князя Юсуповы.

Расчетливость, способность привлекать к работе умелых помощников и находить разнообразие заказы в Москве, которая заново отстраивалась после пожара 1812 года, постепенно стали приносить доходы. Успеху Витали способствовала и встреча с Иваном Тимофеевичем Тимофеевым — одаренным выпускником Петербургской Академии, своими советами и делом преподававшим молодому скульптору уроки высокого искусства и технического мастерства. Тимофеев, окончивший Академию с Большой золотой медалью и получивший право на поездку в Италию, приехал в Москву вместе с И.П. Мартосом для установки памятника Минину и Пожарскому. Оставшись в первопрестольной, он работал в мастерской мраморщика С.К. Пенно и около 1827 года перешел по приглашению Витали в его мастерскую. Опустившийся, спившийся и испытывавший нужду скульптор Тимофеев скончался во время эпидемии холеры в 1830 году [Рамазанов 1863, с. 11–12]. К этому времени (началу 1830-х годов) талант Витали получил свое полное развитие, мастер добился положения в обществе и не имел серьезных соперников. Свой дом, находившийся на Мясницкой улице [Соколов 1826, с. 303], он содержал с большим вкусом. Как вспоминал Рамазанов, «он — художник-аристократ <...> прекрасный дом, отделанный самым изящным образом, — работы несть конца, а двор засыпан мрамором, ожидающим выполнить прихоти своего повелителя» [Рамазанов 1892, с. 149].

В Москве Витали работал над монументальной, мемориальной и станковой скульптурой, сотрудничал с архитекторами, в том числе теми, которые на протяжении многих лет выполняли различные заказы Н.Б. Юсупова, — с О.И. Бове, М.Д. Быковским, Е.Д. Тюринным [Якирина, Одноралов 1960, с. 19; Кривдина 2000, с. 31–32; Кривдина 2006, с. 12].

Ил. 1. Тропинин Василий Андреевич. Портрет И.П. Витали. 1839. Холст, масло. 81×65. Воронежский областной художественный музей им. И.Н. Крамского

Когда в 1831 году Борис Николаевич Юсупов (ил. 2) обратился к скульптору И.П. Витали с заказом, представляется, что выбор мастера был далеко не случайным. Они — люди одного поколения, оба родились в 1794 году. К этому времени Витали заслуженно считался лучшим московским скульптором, пользовался славой и уважением современников. Он зарекомендовал себя в разных видах творчества, в том числе в мемориальной и портретной скульптуре. В Москве скульптор впервые обратился к портретному жанру. К сожалению, многие из его скульптурных портретов, выполненных до 1830 года не сохранились: мраморные бюсты Александра I (1819 — для Московского университета, 1826 — для Дворянского собрания в Москве); поэта, критика, профессора Московского университета А.Ф. Мерзлякова, исполненный по посмертной маске (1830); московского генерал-губернатора Д.В. Голицына (1830) [Кривдина 2000, с. 32; Кривдина 2006, с. 14–15].

В 1831 году Б.Н. Юсупов заказал И.П. Витали посмертный скульптурный портрет своего отца Н.Б. Юсупова, а затем в 1832 году — его надгробный памятник. Нельзя исключить, что оба заказа первоначально были связаны общим замыслом. Над памятником

Витали начинает работу в августе 1832 года. Он берется выполнить надгробный памятник Николаю Борисовичу Юсупову за 5000 рублей и установить его в часовне при церкви Спаса

Ил. 2. Робертсон Кристина. Портрет Б.Н. Юсупова. 1850. Холст, масло. 110,5×92. ГРМ

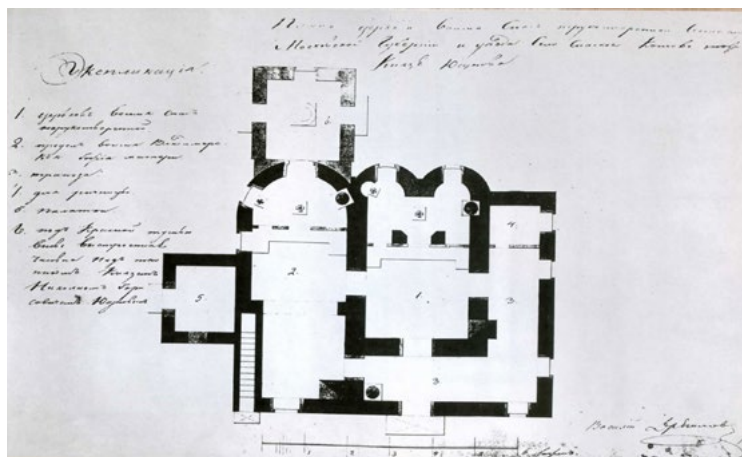
Ил. 3. Церковь Спаса Нерукотворного образа в селе Спасском-Котово. Владимирский придел и усыпальница Н.Б. Юсупова. 2012. Фото из книги: Анисимовой В.В. Спасский храм в селе Котово. Долгопрудный, 2012

Нерукотворного Образа в имении Спасское-Котово, самой старой подмосковной усадьбе, принадлежавшей роду князей Юсуповых с 1730 года (ныне в черте города Долгопрудный, усадьба не сохранилась) (ил. 3). К началу XIX столетия в находившейся там церкви сложился семейный пантеон. В связи с тем, что с конца XVIII века по решению церковных властей запрещалось производить захоронения внутри храмов [Шамурин 1911, с. 101], Н.Б. Юсупов согласно своему завещанию был похоронен в специально выстроенной часовне при церкви. Квадратное в плане здание с пилястрами и арками для окна и двух входов (с северной и южной стороны) увенчало невысоким куполом с маленькой главкой. Оно вплотную примыкает к апсиде северного придела во имя иконы Владимирской Божией Матери (ил. 4). Одновременно со строительством часовни по заказу Б.Н. Юсупова архитектор Василий Григорьевич Дрегалов (1792 — после 1858) занимался обновлением декора церкви во вкусе нового времени. Для этой часовни и предназначался надгробный памятник.

Оплата за работу над памятником производилась постепенно на протяжении 1832–1833 годов по 1000 рублей. Окончательный расчет состоялся 11 августа 1833 года: «[1833] Августа 11. — Скульптору Ивану Петровичу Витали, за зделанный надгробный

памятник покойному Его Сиятельству Князю Николаю Борисовичу, следовало заплатить ассигнациями 5000 р. — в то число выдано ему: 1832-го августа 23-го ассигнациями 1000 р. декабря 15-го монетою 1000 р. 1833-го года Генваря 16-го монетою 1000 р., а общая сие 2000 р. в ассигнации с лажем по 11 к. на рубль, составляет 1801 р. 80 к. Июня 21-го монетою 1000 р. а обращающыя в ассигнации с лажем по 12 к. составляет 892 р. 85 к. Итого выдано ассигнациями 3694 р. 65 к. удержано до окончательного исправления работы ассигнациями 300 р. всего 2994 р. 65 к. за тем выдано Ему достальных ассигнациями, тысяча пять рублей тридцать пять копеек — 1005 р. 35 к. — выдано»¹.

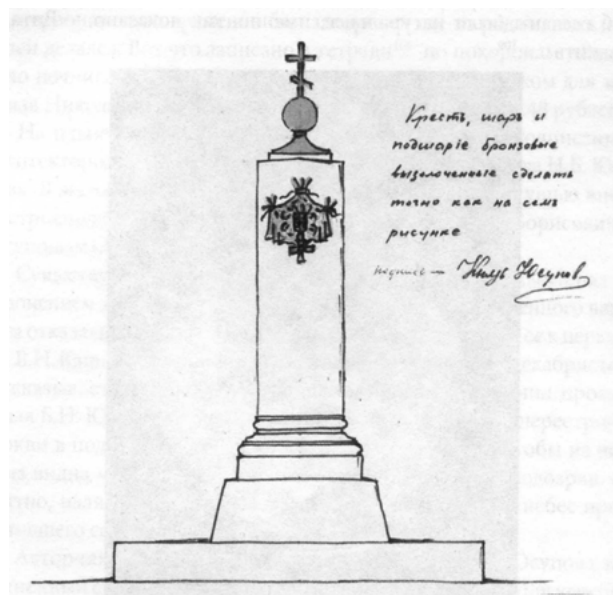
Из обнаруженных архивных материалов следует, что это был памятник из мрамора с высеченной в камне и позолоченной надписью «Князь / Николай Борисович / Юсупов»². Мраморное основание памятника венчало полушарие с крестом из позолоченной

Из. 4. Дрегалов Василий Григорьевич. План церкви Спаса Нерукотворного Образа в селе Спасском. РГАДА. Фото из книги: Анисимова В. В. Спасский храм в селе Котово. Долгопрудный, 2012

бронзы, выполненное по рисунку архитектора В.Г. Дрегалова. «Рисунок бронзового полушария с крестом, на пьедестале надгробного памятника моего родителя» лично утвердил Б.Н. Юсупов и просил московскую канцелярию заказать эту работу скульптору Витали, выдвигая особое условие, чтобы «полушарие и крест поставил на монумент только тогда, когда новая часовня, где погребено тело родителя моего, будет совсем отделана и окончена»³. Получив такое предписание от князя, архитектор В.Г. Дрегалов обратился в канцелярию с письмом, обосновывая необходимость передать работу по отливке из бронзы и золочению полушария и креста профессиональному бронзовщику, так как скульптор Витали «не бронзовых дел мастер». Дрегалов предложил передать заказ известному ему бронзовых дел мастеру Тону, к тому же Тон брался выполнить работу на 50 рублей дешевле: «вызвался оный сделать Ассигнациями за 400 рублей»⁴. Предложение Дрегалова было принято, и князь передал этот заказ бронзовых дел мастеру Христиану Петровичу Тону⁵. Изготовленный бронзовый золоченый крест на полушарии Тон передал заказчику 30 июля 1833 года⁶.

Варианты эскизов памятника обнаружены Василием Васильевичем Кузнецовым-младшим в архиве Юсуповых в РГАДА. Заказчику было предложено три варианта памятника: бронзовый вызолоченный крест на шаре на полусфере, установленный на мраморном пьедестале; крест, шар и полушарие бронзовые вызолоченные на мраморной

Ил. 5. Витали Иван Петрович. Эскиз памятника Н.Б. Юсупову. 1837. РГАДА. Фото из книги: Кузнецов В. В. Родословная моего села. История села Спасское-Котово и его жителей. М., 2017

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 811. Л. 144, 144 об., 145.

² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 788. Л. 16, 16 об. — 73.

³ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 727. Л. 26, 26 об., 27.

⁴ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 727. Л. 40 об.

⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 811. Л. 128, 128 об. — 129.

⁶ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 789. Л. 114.

цилиндрической колонне, установленной на пьедестале; последний вариант отличался отсутствием герба на колонне. Князь Б.Н. Юсупов утвердил вариант с колонной, украшенной гербом: крест на мраморной колонне с княжеским гербом и надписью на цоколе [Кузнецов 2017, с. 180–181] (ил. 5).

Основной композиционный мотив памятника, созданного Витали, — крест — неоднократно использовался мастером в выполненных им ранее надгробных памятниках. Приведем для примера надгробия: 1823 года П.А. Бекетову (Москва, Музей архитектуры им. А.В. Щусева) и датированный временем после 1828 года — Н.П. Шульгиной (Москва, Донской монастырь).

В XIX веке среди русской аристократии существовала определенная традиция сооружения надгробных памятников, сформировалась их типология и иконография. Кроме памятников с развитым скульптурным убранством, существовало значительное число, представлявших простые, отдельно стоящие формы. Последний тип был своего рода надгробием-знаком. В статье, посвященной надгробным памятникам эпохи классицизма в России, В.С. Турчин отмечал: «„Словарь Академии Российской“ различает гробницу и памятник (в который включается и надгробный памятник). Гробница представлялась лишь „знаком, воздвигнутым в память умершему над могилою, в которой тело его погребено“» [Турчин 1984, с. 220]. Именно надгробие такого типа, в виде памятного знака подчеркнута простых форм, заказал Б.Н. Юсупов скульптору Витали.

Памятник был установлен в часовне при церкви в Спасском к началу августа 1833 года. «Докладная записка от Г. Бредихина (управляющего имением. — Л.С.) от 7-го сего [1833] Августа. <...> В часовне, где погребено тело Его Сиятельства Князя Николая Борисовича, сырость большая, памятник поставлен и на оном крест и герб Его Сиятельства. — Герб зделан хорошо и поставлен лицом к алтарю. — На Камне высечена надпись: Князь Николай Борисович Юсупов. Означенная надпись на колонне вызолочена не очень хорошо, потому что в словах местами виден сквозь золото камень; у нижней плиты дикаго камня нужно обделать углы получше, ибо один угол наклеен алебастром или мастикою, которая наклейка от сырости может отвалиться, и непременно должно все 4 угла поправить...»⁷.

Простые формы надгробия Н.Б. Юсупова настраивали на медитативное созерцание, «чтобы ни одна лишняя деталь не могла отвлечь зрителя от главной мысли: здесь покоится прах почитаемого существа», «тут — царство символа, бесконечного в своем постижении и рассчитанного для уединенного созерцания» [Турчин 1984, с. 220]. В.С. Турчин выдвинул также еще одно интересное замечание, что «к простым формам надгробного монумента склонялись и масоны», с которыми вероятно был связан Н.Б. Юсупов, такой выбор мог также определяться и религиозными соображениями, что «вело к культивированию лапидарных форм, среди которых распространенной становится воздвижение над могилою креста как универсального христианского символа» [Турчин 1984, с. 221].

Ил. 6. Витали Иван Петрович. Н.Б. Юсупов. 1832. Гипс. 60×55×36. ГМУА. Фото с сайта <https://history.wikireading.ru/68240>

⁷ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 789. Л. 34 л. л. 34 об., 35.

Здание Спасской церкви, где находилось надгробие, в годы советской власти после 1934 года было разграблено, в часовне в 1934–1936 годах жил священник. Храм был закрыт в январе 1941 года и использовался под различные производственные помещения (мобилизационный пункт, спичечное и мыловаренное производство, пуговичная фабрика, типография) [Анисимова 2018, с. 58–59]. В воспоминаниях краеведа В.В. Кузнецова-

старшего воспроизведена зарисовка памятника Н.Б. Юсупова, выполненная, вероятно, между 1919 и 1940 годами. Памятник зафиксирован в том виде, как он выглядел к началу XX века. В настоящее время памятник утрачен, сохранился только пьедестал [Кузнецов 2017, с. 27–29]. Отметим, что созданное И.П. Витали надгробие Н.Б. Юсупову не упоминается ни в одной из публикаций о скульпторе.

Одновременно с работой над надгробием Витали занимался изготовлением посмертных портретных бюстов Н.Б. Юсупова. Исследователем биографии князя Бориса Юсупова В.Н. Кашиным в 1926 году была выдвинута версия, что мраморный бюст Н.Б. Юсупова предназначался «сперва к постановке на могиле старого вельможи в подмосковном Спасском, месте его погребения» [Кашин 1926, с. 22]. В наши дни эту версию повторяют В.В. Кузнецов и В.В. Анисимова: «Первоначально колонна венчалась мраморным бюстом Н.Б. Юсупова, выполненным одним из лучших скульпторов той эпохи И.П. Витали, но затем бюст был отправлен в Архангельское и заменен Крестом» [Анисимова 2018, с. 19]. Однако это предположение не получает документального подтверждения. Мраморный бюст (о котором речь пойдет ниже) и установка надгробного памятника были завершены почти одновременно, в июне — июле 1833 года. Документы юсуповского архива (РГАДА) позволяют восстановить довольно точную хронологию

Ил. 7. Витали Иван Петрович. Н.Б. Юсупов. 1833.
Мрамор. 74×57×40. ГРМ. Фото из книги Якирина Т.В.,
Одноралов Н.В., И.П. Витали. 1794–1855. Л.; М., 1960

создания Витали скульптурных портретов князя Н.Б. Юсупова.

Вначале был выполнен портрет в гипсе, над которым мастер работал в 1831 — начале 1832 года (ил. 6). 15 февраля 1832 года московская канцелярия сообщала князю, что «заплачено скульптору Витали за сделанные им модель и пять бюстов покойного Его Сиятельства Князя Николая Борисовича — 400 р.»⁸ [Кривдина 2006, с. 49], то есть была изготовлена модель и по ней отлито пять гипсовых бюстов. Из архивных документов следует, что в середине XIX века один гипсовый бюст Н.Б. Юсупова находился в московском доме, вначале в «Портретной комнате»⁹, затем в 1862 году он был перемещен в Гостиную¹⁰ и позднее в «Большую кладовую»¹¹. Два гипсовых скульптурных портрета находились в петербургском дворце на Мойке¹². На сегодняшний день известна одна старая гипсовая отливка «Портрета Н.Б. Юсупова», находящаяся в ГМУ «Архангельское».

В конце 1832 года Борис Николаевич заказывает Витали посмертный портрет своего родителя в мраморе, за две тысячи рублей монетою (ил. 7). В декабре 1832 года Ивану Петровичу выплатили «в счёт договорной цены» одну тысячу рублей. Для продолжения работы еще одна тысяча заплачена 15 января 1833 года. Условия заказа князь обсуждал

⁸ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 754. Л. 25, л. 25 об., 26.

⁹ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 1264. Л. 3, л. 3 об.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2217. Л. 4.

¹¹ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 1264. Л. 34.

¹² ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 82. Л. 19. №685.

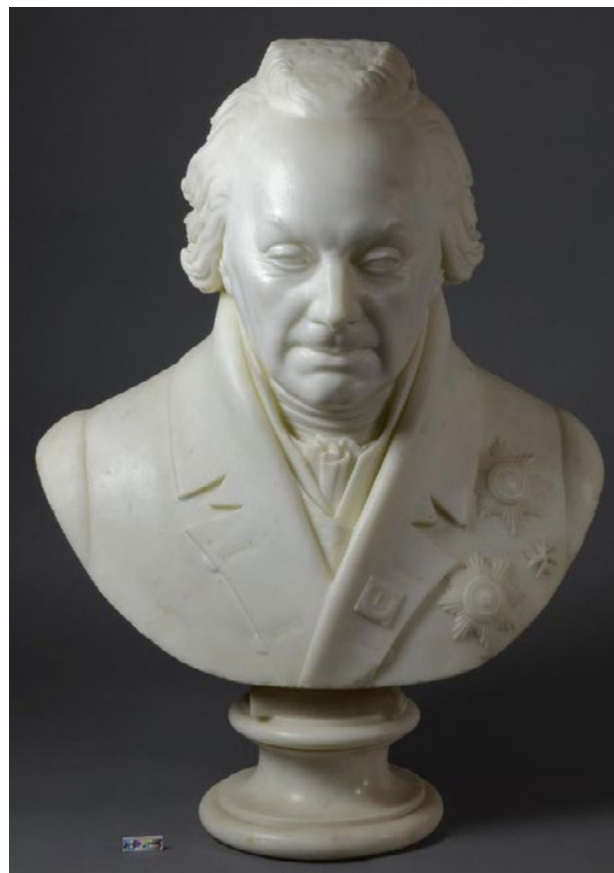
лично со скульптором, его особенно беспокоила натуральность Андреевской и Владимирской звезд — главных наград Российской империи, которые должны быть помещены на бюст. «Декабря 5-го дня 1832 года. С. Петербург. <...> поручаю Канцелярии сказать от моего имени Скульптору Витали, чтобы он Андреевскую и Владимирскую звезды на [мраморном. — вставка сверху] бюсте покойного моего родителя, сделал натуральные и именно так как я ему лично показывал»¹³.

Мраморный бюст Н.Б. Юсупова был завершен Витали к июню 1833 года: «2 июня 1833 года, Москва. <...> Г. Скульптор Витали, являясь в присутствии Канцелярии, объявил, что мраморный бюст покойного Его Сиятельства Князя Николая Борисовича готов...»¹⁴. Мраморный бюст и специально для него изготовленный бронзовый пьедестал в декабре 1833 года отправили в Петербург¹⁵. В настоящее время он хранится в Государственном Русском музее. Этот портрет Н.Б. Юсупова (инв. СК-634) — одна из значительных работ мастера в жанре посмертного скульптурного портрета.

Приведенные архивные материалы уточняют датировку мраморного бюста Н.Б. Юсупова, который ранее в монографии Т.В. Якириной и Н.В. Одноралова был датирован 1850 годом [Якирина, Одноралов 1960, с. 92], в статье О.А. Кривдиной портрет датирован 1839 годом [Кривдина 2000, с. 36], но затем в «Летописи жизни и творчества скульптора», со ссылкой на сведения, предоставленные научным сотрудником Музея «Архангельское» П.А. Акимовым, отнесен к 1833 году [Кривдина 2006, с. 49].

Однако в фондах Государственного Исторического музея хранится еще один мраморный бюст Н.Б. Юсупова работы Витали (инв. ИВ 1792). Он имеет меньший срез, ближе оплечному, и на нем князь изображен в цивильном костюме с самым скромным набором наградных знаков по сравнению с двумя другими его портретами, созданными Витали. Здесь князь представлен в сюртуке, шейном платке, со звездами орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Владимира 1-й степени, звездой Мальтийского ордена и Знаком «50 лет беспорочной службы». Бюст происходит из собрания П.И. Щукина, и несомненно является оригинальным вариантом одного из тех портретов Н.Б. Юсупова, над которыми в 1832–1833 годах работал скульптор. Возникает вопрос, когда был выполнен мраморный бюст Н.Б. Юсупова из собрания ГИМ. Пока мы не располагаем документальными сведениями, чтобы ответить на него, но можно предположить, что бюст мог быть выполнен или несколько ранее отправленного в Петербург, так как на нем орденские знаки отполированы и не имеют тщательно проработанной детализации, в отличие от варианта ГРМ, выполненного после указания, данного в декабре 1832 года Борисом Николаевичем, Андреевскую и Владимирскую звезды «сделать натуральные»; либо он создавался позднее для другого заказчика.

Во всех трех работах Витали использует классическую композицию погрудного портрета-бюста, ориентируясь на лучшие образцы русской и западноевропейской скульптурных школ. По своему физиономическому типу посмертные скульптурные портреты Н.Б. Юсупова восходят к портретам князя, созданным И.-Б. Лампи и Е.О. Скотниковым, но выполнены они Витали в оригинальной иконографии: на мраморных князь

Ил. 8. Витали Иван Петрович. Н.Б. Юсупов. Мрамор. 65×44×32. ГИМ. Фото из электронного каталога ГИМ

¹³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Ед. хр. 727. Л. 28, 28 об.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 776. Л. 43, 43 об.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2622. Л. 105.

представлен в мундире Академии художеств и цивильном сюртуке, на гипсовом в мундире сенатора, богато украшенном шитьем, создающим на поверхности гипса изящный рельефный узор. Различаются портреты и по составу орденов, гипсовый и вариант ГРМ близки по составу наградных знаков, но на гипсовом отсутствует Командорский большой крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Вариант ГИМа в цивильном костюме

самый скромный по представленным на нем наградам. Костюм, награды — представляют образ одного человека в разных ипостасях: высокопоставленного государственного деятеля — сенатора; покровителя и любителя искусств, близкого ко двору, и просвещенного вельможи — человека своей эпохи.

Все три работы отличаются высоким качеством исполнения и тонким чувством материала. Витали демонстрирует владение пластикой формы и ее выразительностью. Он очень внимательно изучал натуру, известные изображения князя. В скульптурных портретах он сумел создать ощущение непосредственного общения с моделью. Лицо князя тонко моделировано, изящная полировка мрамора особенно хорошо передает мимику ироничной улыбки губ, приподнятых бровей, прищуренных глаз без проработанных зрачков. Выражение лица естественно, отличается большой внутренней сосредоточенностью. Восприятие натуры подчеркнуто эмоционально, чувствуется ум, незаурядность, внутреннее достоинство, уверенность в себе старого екатерининского вельможи.

Здесь Витали преодолевает классические условности, создавая образ вполне реального человека и демонстрируя пре-

Ил. 9. Новиков Григорий Иванович. Портрет Н.Б. Юсупова. 1833. Холст, масло. 118×91,5. ГМУА. Фото ГМУА

емственную связь с реалистическими традициями скульптурного портрета, заложенными в работах Ф.И. Шубина, И.П. Мартоса, В.И. Демут-Малиновского, С.С. Пименова. При большом внимании к натуре ему удается добиться гармонии форм и пластичности линий, изящества лепки. Характеризуя творчество мастера, Н.Н. Врангель писал: «Витали — мост между старыми и новыми традициями...» [Врангель 1911, с. 279].

В дальнейшем иконография портретов Н.Б. Юсупова работы Витали была использована другими художниками при создании посмертных живописных портретов князя. Одним из первых в качестве образца использовал скульптурный портрет в 1833 году крепостной живописец Григорий Иванович Новиков (1802–1837). По приказанию Б.Н. Юсупова он писал портрет его отца для госпожи Софьи Делоне из Парижа¹⁶. От художника требовалось создать посмертный портрет Н.Б. Юсупова быстро, соблюдая достоверность, внешнее сходство и без лишних затрат. Когда в течение февраля 1833 года Новиков выполнил портрет¹⁷, московская канцелярия, представлявшая интересы заказчика, отказалась его принять. «По несходстве его канцелярия приказала вновь переписать и для сего Новикова прислать в Москву с красками, и столяру приказать, чтобы для сего портрета другой подрамник сделал»¹⁸. Основное требование, выдвигавшееся заказчиком, — достоверность изображения, внешнее сходство: «Мне очень неприятно видеть, что Новиков,

¹⁶ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 786. Л. 18.

¹⁷ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 784. Л. 70 об.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 786. Л. 33.

зная довольно порядочно живопись, не мог потрафить в копировании портрета покойного моего родителя...»¹⁹. В ответе Московская канцелярия пыталась объяснить причину такой неудачи тем, что «живописец Новиков написать портрет покойного Его Сиятельства Князя Николая Борисовича прилагал все свое старание, применяясь к другим портретам и бюсту [имеется в виду скульптурный портрет работы И.П. Витали. — Л.С.], но наконец потерял сходство, почему второй портрет, снятый с одного бюста, написан довольно сходно, который и имеет быть отправлен в Париж немедленно»²⁰. К 23 мая, за 20 дней, был написан второй портрет²¹, который и отправили в Париж²², современное местонахождение его неизвестно. Первый, неудавшийся портрет Н.Б. Юсупова работы Г.И. Новикова, хранится в ГМУ «Архангельское» (ил. 9). Интересно, что Новиков изобразил Н.Б. Юсупова в мундире Академии художеств, в таком же мундире, как и на мраморном бюсте Витали, который, как отмечалось выше, еще не был передан заказчику (ил. 10). Позднее, в 1850-е годы, Алоиз Густав Рокштуль (1798–1877), создавая серию миниатюрных портретов семьи князей Юсуповых, так же возьмет за основу портрета Н.Б. Юсупова иконографические типы, созданные Лампи и Витали.

В заключение отметим, что Витали работал для Б.Н. Юсупова не только как скульптор, автор оригинальных произведений, но и как реставратор и квалифицированный упаковщик скульптуры, перевозившейся из архангельского и московского дома в Петербург. И.П. Витали и его мастера в декабре 1836 года демонтировали и упаковали мраморные статуи²³, которые в январе 1837 года были отправлены из Москвы в петербургский дворец на Мойке. Среди них находилась лучшая мраморная скульптура юсуповской коллекции, подлинники антики, «Амур и Психея» и «Амур» А. Кановы, «Амур» М.И. Козловского²⁴.

Приведенные архивные материалы свидетельствуют о том, что в 1830-е годы Б.Н. Юсупова связывали длительные отношения с И.П. Витали — одним из выдающихся скульпторов середины XIX века. Витали, исполняя заказы князя, смог проявить себя в разных ипостасях: как мастер скульптурного портрета, автор надгробного памятника, как реставратор и квалифицированный упаковщик, принимавший самое непосредственное участие в отправке знаменитых произведений скульптуры юсуповской коллекции из Москвы в Петербург.

Ил. 10. Рокштуль Алоиз Густав. Портрет Н.Б. Юсупова. Картон, акварель, белила. 8,3×5,2. ГМУА. Фото из книги: Архангельское: альбом-путеводитель / Сост. и общ. ред. Л.Н. Кирюшиной. М., 2007

¹⁹ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 776. Л. 19, 19 об.

²⁰ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 776. Л. 25 об.

²¹ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 787. Л. 85.

²² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 776 Л. 36.

²³ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 961. Л. 6/н, № 1465.

²⁴ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 116. Л. 13–14.

Литература

1. Анисимова 2018 – Анисимова В. В. Спасский храм в селе Котово. Исторический очерк. Долгопрудный: Храм Спаса Неукротворного образа, 2018.
2. Врангель 1911 – Врангель Н. Н. История скульптуры. М., Издательство И. Кнебеля. 1911. Т. 1 // История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. Т. 1–5.
3. Рамазанов 1892 – Дневник и записки Н. А. Рамазанова // Русский художественный архив. М., 1892. Вып. 3.
4. Кашин 1926 – Кашин В. Н. Консервативный современник декабристов (Б. Н. Юсупов) // Былое. 1926. № 2.
5. Кривдина 2000 – Кривдина О. А. Изячно, легко, свободно. Творчество И. П. Витали (1794–1855) // Мир музея. 2000. № 4 (176).
6. Кривдина 2006 – Кривдина О. А. Иван Петрович Витали. Летопись жизни и творчества скульптора. СПб., Сударыня, 2006. С. 53.
7. Кузнецов 2017 – Кузнецов В. В. Родословная моего села. История села Спасское-Котово и его жителей. М.: Спутник, 2017.
8. Рамазанов 1863 – Рамазанов Н. А., Материалы для истории художеств в России. Книга 1. М., Губернская типография, 1863.
9. Турчин 1984 – Турчин В. С. Надгробные памятники эпохи классицизма в России: типология, стиль, иконография // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века / Под ред. Т. В. Алексеевой. М.: Наука, 1984.
10. Соколов 1826 – Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга с планом. Сост. служ. при моск. воен. ген.-губернаторе чин. В. Соколовым. М.: Типография Августа Семена, 1826.
11. Шамурин 1911 – Шамурин Ю. Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. М.: Образование, 1911. Вып. 8.
12. Якирина, Одноралов 1960 – Якирина Т. В., Одноралов Н. В., И. П. Витали. 1794–1855. Л.; М.: Искусство, 1960.

References

1. Anisimova, V. V. (2018), *Spassky khram v sele Kotovo. Istorichesky ocherk* [Spass Church in Kotovo village. Historic essay], Spassky khram, Dolgoprudny, Russia.
2. Vranghel, N. N. (1911), *Istoria skulpturi* [History of sculpture]: V. 1 [Istoria russkogo iskusstva [History of Russian art], Izdatelstvo I. Knebelia, Moscow, Russia, V. 1–5.
3. “Dnevnik i zapiski N. A. Ramazanov” [Dairy and notes of N. A. Ramazanov], *Russky khudogestvennyy archiv* [Russian art archive], Moscow, Russia, 1892, V. 3.
4. Kashin, V. N. (1926), “Konservativnyy sovremennik dekabristov (Yusupov B. N.)”, [Conservative contemporary of decabrists (Yusupov B. N.)], *Byloe*, No 2.
5. Krivdina, O. A. (2000), “Iziaschno, legko i svobodno. Tvorchestvo I. P. Vitali (1794–1855)” [Gracefully, lightly and freely. The art of I. P. Vitali (1794–1855)], *Mir museia*, no 4 (176).
6. Krivdina, O. A. (2006), *Ivan Petrovich Vitaly. Letopis zhizni i tvorchestva skulptora* [Ivan Petrovich Vitaly. Chronicle of life and art], Sudarynia, St Petersburg, Russia.
7. Kuznetsov, V. V. (2017), *Rodoslovnaya moego sela. Istoria sela Spasskoe-Kotovo i ego zhitelei* [Lineage of my village. History of village Spasskoe-Kotovo and its citizens], Sputnik, Moscow, Russia.
8. Ramazanov, N. A. (1863), *Materiali dlja istorii khudozhestv v Rossii* [Materials in history of art in Russia], V. 1, Gubernskaya tipografia, Moscow, Russia.
9. Turchin, V. S. (1984), “Nadgrobnye pamiatniki epokhi klassitsizma v Rossii: tipologiya, stil, ikonografija” [Tombstones in Russia in classicism epoch: typology, style and iconography], *Ot srednevekovia k novomu vremeni. Materiali i issledovania po russkomu iskusstvu XVIII – pervoj polovini XIX veka* [Materials and research in Russian art of 18th – first half of 19th century], Nauka, Moscow, Russia.
10. Ukazatel zhilishch i zdaniy v Moskve, ili Adresnaya kniga s planom [Index of dwellings and buildings in Moscow, or Address book with a plan, compiled by staff of Moscow military governor-general V. Sokolov, Printing house of August Semyon, Moscow, 1826.
11. Shamurin, Yu. (1911), “Moskovskie kladbishcha” [Moscow cemeteries], *Moskva v ee proshlom i nastoyaschem* [Moscow in its past and present], Obrazovanie, Moscow, 1911, Issue 8.
12. Yakirina, T. V., Odnoralov, N. V., *I. P. Vitali. 1794–1855. Iskusstvo*, Leningrad; Moscow, 1960.

Сведения об авторе:

Любовь Ю. Савинская, кандидат искусствоведения, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия; 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 12;
liubov.savinskaia@arts-museum.ru

Author Info

Liubov Yu. Savinskaia, Cand. of Sci. (Art history), Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia;
12 Volkhonka St, Moscow, 119019 Russia; liubov.savinskaia@arts-museum.ru